

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ВАЛЕНТИНОМ ЕВГЕНЬЕВИЧЕМ СЕМЁНОВЫМ

Редколлегия журнала знакомит своих читателей с членами редакционного совета. Сегодняшний гость — Валентин Евгеньевич Семёнов, с 1999 г. директор Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований (НИИКСИ) Санкт-Петербургского государственного университета и профессор факультета социологии СПбГУ.

Кто Вы по профессии: социолог, социальный психолог, социальный антрополог или организатор науки?

Конечно, прежде всего, социальный психолог. Но, как известно, социальная психология является составляющей и социологии, и психологической науки, и социальной антропологии. Поэтому я всегда интересовался этими смежными дисциплинами, и некоторые мои исследования, по сути, имеют междисциплинарный характер. Организацией исследований мне приходилось заниматься с тех пор, как я стал заведующим лабораторией социальной психологии в НИИКСИ, — даже ещё раньше, в масштабе большого судостроительного предприятия, на котором я работал социологом в конце 1960-х — начале 70-х гг.

Вы директор НИИКСИ. С какого времени Вы им руководите, и что значит для Вас эта работа?

Я был выбран директором НИИКСИ в январе 1999 г. на Учёном Совете НИИКСИ тайным голосованием на альтернативной основе (был и другой кандидат). Должен сказать, что на это меня подвигнул наш прежний директор, один из создателей социологии молодежи в стране, незабвенный Владимир Тимофеевич Лисовский, который, как я тогда понял, уже давно ко мне присматривался. В феврале 2004 г. я был единогласно переизбран тайным голосованием на Ученом Совете Учебно-научного центра социологии.

Дело в том, что я с 1971 г. работаю в НИИКСИ, а ещё раньше, будучи студентом, участвовал в его хоздоговорных исследованиях. Понятно, что судьба института и его люди — это то, что давно стало частью меня, моей жизни. Те, кто долго работал в НИИКСИ, знают, что это поистине легендарное, удивительное и творческое учреждение. Нельзя также забывать, что НИИКСИ был первым исследовательским институтом в сфере социальных наук в нашей стране. Поэ-

тому я считаю честью быть его директором и всегда старался сохранить атмосферу творчества, свободы и доверия в коллективе. Все эти годы надо было ухитряться найти деньги на самое необходимое в институте, так как государственное финансирование составляло 10–15 % от необходимого минимума и остальные 85–90 % мы зарабатывали сами. Я очень благодарен сотрудникам НИИКСИ, которые, несмотря ни на что, остались верны своему институту.

Что является для Вас приоритетной областью деятельности: исследовательская, педагогическая, организационная или общественная работа?

Все эти виды деятельности взаимосвязаны, и в тот или иной отрезок времени одна или другая выходит на первый план. Но первая любовь и любовь навсегда — это, конечно, исследование, научный поиск, нет ничего более интересного и упорядоченного. Организационная деятельность в условиях современного неадекватного отношения к науке со стороны власти, недостаточного и «мозаичного» финансирования является наиболее затруднительной и неблагодарной. Преподаю студентам уже более 30 лет, и это привычно. Любопытно, что последние три года по приглашению ректора Духовной академии архиепископа Константина я читаю лекции там и обрел очень интересную и интеллектуальную аудиторию.

Что касается общественной деятельности, то ею я занимался всегда, с четвертого класса школы, так что это тоже «вторая натура». Наиболее плодотворной и значимой из моих общественных ролей я считаю более чем 30-летнюю работу в обществе «Знание» (за нее я был награжден грамотой губернатора Санкт-Петербурга в 2002 г. и медалью «За вклад в российское просветительство имени академика И.Ф. Образцова» в этом году). Высоко значима также работа в «Санкт-Петербургском Соборе православной интеллигенции», одним из создателей и заместителем председателя которого я являюсь, а в последние годы это ещё и деятельность в Межвузовской ассоциации духовно-нравственного просвещения «Покров», в которую входит около 30 вузов Петербурга (эта деятельность также отмечена почётным знаком Святой Татианы «Наставник молодёжи»). Вероятно, общественной, или «полуобщественной» деятельностью является участие в диссертационных советах. Сейчас я работаю в четырёх советах на факультетах социологии и психологии СПбГУ, это позволяет чувствовать тонус и потенциал современной российской науки.

Наконец, я считаю весьма важной свою работу экспертом и участие в новаторской программе Санкт-Петербургского телевидения «13 вопрос» (1992–93 гг.), которая по-настоящему учила демократии и принципам гражданского общества, а также деятельность комментатора по социальным вопросам на радио Санкт-Петербурга в 1990-х гг.

Какое положение руководимый Вами институт занимает в СПбГУ, среди других подобных научных и исследовательских учреждений в РФ?

Положение Института обычное — работаем: проводим исследования (в том числе по грантам, заказам государственных и коммерческих учреждений и организаций), занимаемся со студентами и аспирантами, проводим конференции и семинары, пишем и издаём монографии, сборники статей, учебные пособия.

В СПбГУ мы единственный институт социальных исследований. У нас неплохие связи не только с факультетом социологии, с которым мы, по сути, являемся единым целым, но и с факультетами психологии, филологическим,

журналистики, институтом географии, с профсоюзной организацией студентов и аспирантов, да и с некоторыми другими подразделениями университета. НИ-ИКСИ, выражаясь модным термином, имеет солидный «бренд» старейшего в стране института социальных исследований, родоначальника концепции социального планирования, одного из продолжателей дела Б.Г. Ананьева (комплексное изучение человека). Он был организатором интересных и новаторских по проблематике научных конференций и мероприятий, лидером социологии молодежи. Кстати, научная школа, основанная профессором В.Т. Лисовским, ныне под моим и зав. лабораторией нашего института А.А. Козлова руководством поддержана в 2007 г. на конкурсной основе Правительством Санкт-Петербурга.

У нас плодотворные научные отношения со многими университетами и научными организациями в нашем городе, стране и в других странах. Например, с РГПУ им. А.И. Герцена, Университетом технологии и дизайна, Духовной академией, Московским Институтом психологии РАН, факультетом социологии МГУ и Московским институтом социально-политических исследований РАН, Ярославским и Саратовским университетами, Самарским педагогическим университетом, социологами и психологами Татарстана и Нижнего Новгорода, учеными Белоруссии, стран Балтии, США.

Не могу не отметить, что мне очень понравилось как-то вычитанное мною в Петербургском социологическом журнале «Телескоп» определение нашего института как представителя «национальной школы социологии». Думается, что так оно и есть.

Представляется, что соперничество между социологическими учреждениями становится все более сильным. В связи с этим, как Вам видится развитие рынка научных заказов? Какое место в нем занимает Ваш институт? Как он в буквальном смысле слова выживает в этих условиях?

Наш «научный рынок», как и рынок в стране вообще, прямо скажем, не очень прозрачен и понятен, но мы постоянно выигрываем гранты в конкурсах РГНФ и РФФИ, получаем заказы от Министерства образования и науки РФ, Администраций Санкт-Петербурга и Ленинградской области (естественно, также на конкурсной основе). Кроме того, конечно, выполняем исследования по коммерческим заказам различных организаций, в частности, занимаемся маркетингом и всевозможным консультированием. Безусловно, хотелось бы, чтобы конкурсные критерии были более однозначными и обоснованными. Но самое главное, чтобы всё-таки было достойное бюджетное финансирование, хотя бы отдельных серьезных поисковых исследований. Есть же, в конце концов, учёные, которые имеют репутацию и исследовательский талант. Необходимо, чтобы у них была возможность реализовать свои замыслы и не зависеть от всевозможной очень уж пёстрой и «приземлённой» конъюнктуры. Вместе с тем, я считаю очень важным проводить исследования по заказам именно наших, городского и областного правительств, на благо родного города и области. Например, в 2001–2003 гг. мы проводили целые комплексы исследований, результаты которых становились основой для докладов «Положение молодежи в Санкт-Петербурге», которые обсуждались и принимались Законодательным Собранием города. Надеемся, что в этом или будущем году конкурсы на подобные исследования возобновятся.

Насколько известно, большинство сотрудников Вашего института преподают на факультете социологии СПбГУ, ведут разные образовательные

программы. Означает ли эта практика постепенное вхождение исследовательского учреждения в систему образования и таким образом интеграцию науки и образования?

Я не вижу здесь проблемы. Эволюционно НИИКСИ уже стал с факультетом социологии единым целым. Но последние изменения в статусе научно-исследовательских институтов в университете мне кажутся неоправданно «революционными». При этом нарушается диалектический баланс между образованием и наукой как равноправными социальными институтами и партнерами. Да и с этической точки зрения вся эта процедура была не на высоте: вместо признания самоотверженной деятельности ученых, которые сохранили в тяжелейших финансовых и морально-психологических условиях институты, с ними по сути даже не проконсультировались. Это несомненное отклонение от традиционного университетского демократизма.

Теперь перейдем к сфере Ваших исследовательских интересов. Что наиболее интересно для Вас как исследователя: какая проблематика, какие методы, какие стратегии?

Меня интересует очень многое — и это моя беда. Но все-таки есть приоритеты: это методологические проблемы социальных наук; духовно-нравственная, ментальная, ценностно-нормативная сфера общества, группы, личности, в первую очередь, молодежь; социологическое и социально-психологическое изучение искусства и СМИ. Очень хотелось бы, чтобы подобная проблематика и исследования интересовали нашу власть и управленцев. Именно потому, что они мало интересуются этим, страна не может преодолеть духовно-нравственный кризис и кризис демографический, семейный.

Что касается методов социальных наук, то я считаю, что здесь должен применяться целый комплекс разнообразных качественных и количественных методик. Впрочем, понятно, что наука развивается волнообразно, как и другие сферы, и в ней также существует мода на методологию и методы. Однако мне кажется, что мы несколько подзадержались в стадии предпочтения так называемых качественных методов исследования (как будто количественные методы одновременно и не качественные).

В стратегическом плане, как мне представляется, следует развивать междисциплинарные и сравнительные (компаративистские) исследования, ибо глобализация, в лучшем смысле этого понятия, невозможна без учета и бережного отношения к специфике разных стран и регионов, народов и групп.

Чем были вызваны Ваш выбор и Ваши приоритеты в профессиональной работе, Ваше увлечение наукой, каков был Ваш путь в науке? Расскажите подробнее о Ваших научных разработках в области социологии и социальной психологии.

Со школьных лет и в ранней юности я увлекался и занимался живописью и поэзией. Одновременно много читал серьёзную прозу от Достоевского и Льва Толстого до Томаса Манна и Андрея Платонова, философскую и психологическую литературу. Сама обстановка начала 1960-х гг. стимулировала творчество. Это было время расцвета нашей науки и искусства: полет Гагарина и другие успехи в освоении космоса, культ физики и лирики, замечательные фильмы М. Ромма и Г. Козинцева, Г. Чухрая и В. Шукшина, театр на Таганке и ленинградский БДТ, органные концерты, настоящий сложный джаз и авто-

рская песня, возрождение интереса к русской иконописи и зодчеству. В такой атмосфере мы тогда жили. Вместе с будущими известными поэтами Виктором Кривулиным и Володей Евсевьевым я выступал в тогдашних вошедших в моду кафе поэтов и даже прошел творческий конкурс в знаменитом Московском литературном институте им. М. Горького. Но наука притягивала не меньше. Сначала я хотел поступить в медицинский институт, но работа в клинике I-го Медицинского института им. И.П. Павлова, дежурства около умирающих и неудавшихся (слава Богу!) самоубийц обратили мою профориентацию к психологии. В результате я оказался на психологическом отделении философского факультета Ленинградского университета. Ректором университета тогда был выдающийся математик и удивительный человек А.Д. Александров, а психологией в университете руководил выдающийся ученый академик Б.Г. Ананьев. Студенческая жизнь кипела. В знаменитом университетском коридоре устраивались выставки авангардной живописи, на концертах авторской песни среди студентов можно было встретить ректора и профессуру.

Будучи студентом, я участвовал в хоздоговорных исследованиях НИИКСИ на Ленинградском телевидении, где, в частности, занимался контент-анализом телевизионных новостей. Затем, обучаясь на заочном отделении, более двух лет работал социологом на Адмиралтейском судостроительном заводе, а так как я был там единственным социологом, то весь исследовательский цикл выполнялся мною и под моим руководством. Все годы обучения в университете я активно участвовал в деятельности первой в стране лаборатории социальной психологии под руководством Евгения Сергеевича Кузьмина. Кузьмин был очень колоритной и пассионарной личностью — бывший фронтовик, командир взвода армейской разведки, громадного роста и соответствующей комплекции с мощным характерным голосом и своеобразными высказываниями, которые обычно передавались студентами из уст в уста. Кроме прочего, он преподавал нам историю психологии. Это тоже было очень колоритно. Среди преподавателей было много замечательных учёных и интересных людей: А.В. Ярмоленко, В.Н. Мясищев, Л.М. Веккер, А.А. Бодалёв (у которого я писал первую курсовую), Е.Ф. Рыбалко, совсем молодой тогда А.С. Батуев. Так как с 1965 г. лаборатория вошла в состав основанного тогда НИИКСИ, то я с 1967 г. фактически участвовал и в жизни института, в котором царила творческая и молодежная атмосфера. Особенно запомнились молодые социологи В.Т. Лисовский, А.В. Дмитриев, Ю.А. Сулов, П.Н. Лебедев, психологи А.Л. Свенцицкий, И.П. Волков, Н.Н. Обозов, А.А. Русалинова, юристы Л.И. Спиридонов и Я.И. Гилянский. Первым директором НИИКСИ был В.Я. Ельмеев, которого мы прекрасно знаем и ныне как профессора факультета социологии.

В 1971 г. я пришел в НИИКСИ младшим научным сотрудником и в 1977 г. стал заведующим лабораторией социальной психологии, которую мне, по сути, передал мой учитель Е.С. Кузьмин, создавший в 1968 г. и первую кафедру социальной психологии в стране. Больше уже с институтом я не разлучался, хотя были периоды, когда моя трудовая книжка лежала на факультетах психологии и социологии, а по совместительству я работал то проректором по науке в Гуманитарном университете профсоюзов, то деканом факультета психологии в Академии гуманитарного образования — не говоря о преподавательских должностях в разных вузах города.

Говоря о научных разработках, естественно, прежде всего хочется сказать о том, что считаешь достижениями, но всё-таки лучше этот процесс объек-

тивизировать. Поэтому приведу выдержку из моего представления к выдвижению на звание «Заслуженный деятель науки РФ»: «В.Е. Семёнов автор наиболее популярной (цитируемой) в отечественной науке классификации методов социальной психологии, разработал методологию, процедуру и оригинальные методики контент-анализа и наблюдения. В сфере промышленной психологии он предложил прикладную концепцию деятельности средств социально-производственной информации, руководил и принимал участие во многих прикладных исследованиях в народном хозяйстве. В 1988–1996 гг. В.Е. Семёнов обосновал и концептуализировал социальную психологию искусства как новую отрасль психологической науки. С 1994 г. он развивает авторскую концепцию российской полиментальности и базовых российских менталитетов. В последние годы активно занимается социологическими и психологическими проблемами молодежи».

Добавлю к этому, что в самые последние годы я снова стал заниматься проблемами социологии религии.

Существует ли единство между социологией, социальной психологией и социальной антропологией? Есть ли смысл в их раздельном развитии в современной науке? Существуют ли в России самостоятельные научные школы в этих дисциплинах?

Как известно, еще в 1940-х гг. в Гарвардском университете Т. Парсонс, который возглавил социологическое отделение после П. Сорокина, реорганизовал это отделение и назвал его Департаментом социальных отношений, пригласив кроме социологов работать в нем социальных психологов и социальных (культурных) антропологов. Мне кажется, это был правильный подход, да и вообще в современной науке происходит интеграция различных дисциплин и развитие междисциплинарных исследований. НИИКСИ как раз и был провозвестником такого подхода в нашей стране. К сожалению, общая разруха 1990-х гг. привела к уходу из института прежде всего юристов и экономистов, у которых появились более привлекательные возможности заработка. Если бы были обеспечены хотя бы минимальные возможности жить и работать на университетскую зарплату, многие бы из них остались. С этой экономической и духовно-нравственной разрухой в стране после распада СССР связано и отставание в формировании научных школ в социальных науках. Я уже говорил о том, что, чтобы серьезно и глубоко заниматься научными исследованиями, необходимы хотя бы минимальные условия, при которых творческим людям можно было бы прожить на одну зарплату. В 1990-х гг., как все помнят, каждому из нас приходилось работать, по крайней мере, на трех работах. В начале того десятилетия, я помню, разъезжал с лекционными курсами по Ленинградской области, а то и отправлялся в дальние университеты России. И даже читал курс учащимся гимназии.

Конечно, теперь ситуация иная. И в нескольких университетах России на факультетах социологии и психологии работают весьма сильные группы исследователей. Но главная проблема в нашей научной работе остается. Мы, в основном, транслируем и адаптируем американские и европейские концепции и подходы. Научные школы у нас вроде есть, и даже поддерживаются Министерством, а вот собственных теорий практически нет. Выступая оппонентом на защитах докторских диссертаций, в том числе в Москве, я вижу, как западные теории и терминология, в сущности, делают неадекватными наши собственные

исследования. Занимаясь проблемой российской полиментальности (кстати, этот термин введен мной), я особенно ясно это вижу. Например, автор одной из докторских диссертаций использует антиномии: демократия — авторитаризм, либеральная экономика — государственное регулирование, национальное — общемировое, с оттенком явной категориальной заданности извне. Почему, спрашивается, он не использует категории: индивидуальное — коллективное, духовное — материальное, традиционное — эклектическое? Ведь эти категории более соответствовали бы российскому предмету и объекту исследования. Но автор находится в плену западно-либеральной тенденциозной заданности. Я уже не говорю про так называемые постмодернистские подходы наших исследователей. Здесь, впрочем, как и на Западе, просто царит произвол и пренебрежение научной логикой. Подобные работы хороши только в качестве более или менее остроумных журналистских эссе.

Каково Ваше нынешнее восприятие атмосферы 1960–80-х годов в Советском Союзе? Что это был за период для вас лично? Насколько значим этот период в Вашей профессиональной деятельности?

Как я уже говорил, 1960-е годы для меня и многих других молодых людей были годами престижа и авторитета науки, искусства и вообще культуры, раскрепощения после эпохи культа личности. Но уже в конце 1960-х гг. ситуация стала меняться. Фактически, мы постепенно пошли по стопам западного общества потребления, пытаюсь его догнать. Четким индикатором для меня были исследования (в том числе мои) массовой культуры тех лет. 1970-е — начало 1980-х гг. воистину стали годами эскапизма и «застольного застоя». В то же время общество разлагала жизнь в условиях двойной и тройной морали (делаю — говорю — думаю). Высокие идеалы, прекрасное доброе искусство, в общем, доброжелательные отношения между людьми, обеспеченный прожиточный минимум и одновременно «железный занавес» и инфантилизм до самого зрелого возраста. Геронтологическая власть тех лет не чувствовала и не понимала уже нависших над страной угроз. Дальше конец 1980-х. Бесконечные импровизации М.С. Горбачева. Странные перебои со снабжением зубной пастой и сигаретами. Непродуманные и противоречивые реформы. Главное — окончательное перерождение и предательство в партноменклатуре. В 1989 г. я был привлечен в качестве психолога-консультанта в наш горком КПСС во время выборов. Я убедился, как часть партии работала против своей же партии. В том же году я стал свидетелем «бархатной революции» в ГДР, когда был осенью в Лейпцигском университете. Какие-то очень артистичные митинги. Полемика на нашей социологической конференции. Битком набитые электрички с очень умиротворёнными людьми, едущими после визита в Западную Германию. Очень доброжелательные немецкие коллеги (не могу не вспомнить интеллигентнейшего профессора социологии Герберта Вольфа, к сожалению, уже ушедшего из жизни, с которым мы слушали классическую музыку в замечательном зале Лейпцигской филармонии и у него дома).

Для меня эти годы были, как ни странно, временем интенсивной научной работы. В 1975 г. я защитил кандидатскую диссертацию. Фактически был составителем и главным редактором (спасибо Е.С. Кузьмину за доверие и предоставленную свободу) знаковых для того времени коллективных монографий «Методы социальной психологии» (1977 г.) и «Социальная психология» (1979 г.), за редактирование которой получил почётную грамоту Министерства высшего образования, других коллективных трудов и, наконец, первого в

стране словаря социально-психологических понятий «Коллектив. Личность. Общение» (1987), изданного в Лениздате 100-тысячным тиражом. Но, безусловно, я чувствовал нарастание бюрократизма, равнодушия, лицемерного исполнения социально-политических ролей и деятельности «для галочки».

Каково Ваше отношение к периоду перестройки? Как Вы оцениваете период реформ с 1991 по 2006 гг.?

Многие из нас (в том числе я) очень ждали перестройку. Однако скажу откровенно: я хотел «социализма с человеческим лицом». Но вместе с другими соотечественниками получил довольно-таки зверский капитализм. Кстати, может быть, лучшее определение перестройке, к тому же раньше большинства наших социологов, дал известный режиссёр и депутат Госдумы С. Говорухин: «великая криминальная революция». Варварская приватизация, коррупция, развал промышленности и науки, исчезновение сбережений граждан, грандиозное мошенничество (Мавроди с его «МММ» и др.), криминальные «разборки», покруче чикагских в 1920-х гг., вульгарная сексуальная революция, унижительная гуманитарная помощь Запада, вереницы нищих и продающих что-то с рук на улицах, жуткие порнушно-чернушные видеосалоны... Такова была наша перестройка. Кстати, и зарубежные эксперты отрицательно оценивают период перестройки и реформ 1990-х гг. Люди вроде Е. Гайдара утверждают, что этого всего было невозможно избежать. Думаю, что все-таки можно. Просто для этого необходимо было больше любить свою страну и свой народ, а также знать его ментальность и социально-психологические особенности.

Позитивные реформы, по сути, для меня начались с началом президентства В.В. Путина. Однако я не могу понять, почему не реформируется в позитивном плане духовно-нравственная сфера общества, деятельность тех же СМИ, рекламы, вся инфраструктура потребления и досуга. Только в последнее время началось движение в нужном направлении: ограничение деятельности сферы казино и игровых автоматов, регламентация рекламы алкоголя, пива и сигарет, активизация патриотического воспитания. Несомненно, необходимо менять налоговую систему, чтобы сделать её более справедливой по отношению как к бедным, так и к богатым. Тем более что соседние с нами скандинавские страны дают очень хороший пример в этой сфере. В конце концов, несправедные миллиарды Абрамовича не намного лучше несправедных миллиардов Ходорковского. Наши олигархи — это постоянный вызов общечеловеческой морали и социальной справедливости.

Каков Ваш социологический, социально-психологический и социально-антропологический диагноз нашего времени?

В начале XX в. Дмитрий Мережковский написал книгу «Большая Россия». В начале XXI в. мне приходится характеризовать нашу страну теми же словами. Но состояние страны гораздо более тяжёлое, чем тогда. Как Вы знаете, тогда дело кончилось революцией, хотелось бы, чтобы теперь дело кончилось всё-таки только энергичной эволюцией. Но для этого необходима очень большая политическая воля. К сожалению, социологические исследования свидетельствуют о недоверии народа к власти. Только два социальных института в стране имеют позитивный баланс доверия. Это Президент, В.В. Путин, и Русская Православная Церковь. Это подтверждают всероссийские исследования и исследования НИИКСИ в Петербурге и Ленинградской области. На самом деле, у народа есть необходимые ресурсы позитивного обновления. Но самое главное и пока

недостижимое — это достаточное число честных и патриотичных политиков. Нужно отметить, что в последнее десятилетие ощущается эскалация духовно-нравственного кризиса в мировом масштабе, повсеместное падение морали и дегуманизация. Это и терроризм, не щадящий ни женщин, ни детей, и всё расширяющаяся наркомания, и легализованные секс-извращения, активизирующие распространение СПИДа, и экологические катастрофы, и повсеместная манипуляция человеческим сознанием и поведением, в которой, к сожалению, принимают участие и некоторые социальные учёные.

Краткая формула диагноза нашего времени — это навязывание американизации («макдональдизации» по Дж. Ритцеру) и конформизма под псевдонимом глобализации — сверху, и отчуждение и аномия — снизу. В России, да и во всём мире идёт борьба менталитетов, и прежде всего, религиозного, миролюбивого, просоциального менталитета и менталитета безбожного, агрессивного, эгоистического.

Ваше теоретическое кредо?

Оно же и практическое. Как бы высокопарно это ни звучало — искать истину и говорить правду о ней.

Что мешает и что помогает Вам в научной работе?

Мешает: слишком развитая любознательность и общительность, с одной стороны, и рутинная «жизнь мышь беготня» (А.С. Пушкин) — с другой. Помогает: неугасающий интерес к исследованиям и некоторые замечательные сотрудники и коллеги в НИИКСИ, на факультете, в университете, в Петербурге и других городах и весях.

Ваше хобби?

Всё, что связано с живой природой, старинной архитектурой и катарсическим искусством. Путешествовать, паломничать, смотреть и слушать, восхищаться, благоговеть и по возможности писать стихи.

Ваши научные планы и намерения?

Сейчас самое важное — сделать, что от меня зависит, чтобы сохранить НИИКСИ, то есть его творческих и ответственных сотрудников, его добрый психологический климат. Искать и по возможности поддерживать молодых и способных социальных учёных. Очень хотелось бы написать и издать хотя бы две задуманные научные книги и одну художественную. И, конечно, «довести до ума» некоторые исследования. И всей душой, разумом и деятельностью способствовать нашему российскому прозрению. Как я писал в одном из стихотворений:

*Как горько, Родина моя,
что не заботишься о человеке.
Родная, но жестокая земля,
прозреешь ли ты в XXI веке?!*

Интервью провел В.В. Козловский

Краткая биобиблиография профессора Валентина Евгеньевича Семёнова

В.Е.Семёнов родился 3 апреля 1942 г. в г. Саратове. С 1946 г. проживает в Ленинграде (Петербурге). После окончания средней школы работал учеником слесаря, грузчиком, рабочим сцены, радиомонтажником и др. В 1964–70 гг. учился в Ленинградском университете, окончил факультет психологии. Одновременно с учёбой участвовал в хоздоговорных прикладных исследованиях НИИКСИ, в 1968–71 гг. работал инженером и старшим инженером-социологом на Адмиралтейском заводе. С 1971 г. в НИИКСИ — мл. науч. сотр., с 1974 — ст. науч. сотр. В 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1977 г. зав. лабораторией социальной психологии НИИКСИ, с 1981 г. — старший научный сотрудник. С 1995 г. доцент и профессор факультета социологии СПбГУ. В 1996 г. проректор по науке Гуманитарного университета профсоюзов (по совместительству). В том же году защитил докторскую диссертацию в форме научного доклада. С 1999 г. директор НИИКСИ и декан факультета психологии Академии гуманитарного образования (по совместительству до 2005 г.).

В настоящее время директор НИИКСИ и профессор факультета социологии СПбГУ. Действительный член Международной академии психологических наук и Международной ассоциации эмпирической эстетики (IAEA). Член редколлегий и редсоветов научных журналов: «Empirical studies of the arts», «Психологический журнал», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Проблемы современной экономики» и др.

Основные исследовательские проекты

Исследование средств социально-производственной информации и их эффективности на промышленном предприятии (1971–1972).

Социально-психологический климат в первичном коллективе и производственная эффективность (1973–1974).

Применение метода контент-анализа в социально-психологических исследованиях (1970–1975).

Социально-психологические исследования проблем массового искусства и СМИ (1976–1985).

Социально-психологические проблемы изучения городского образа жизни (1981–1988).

Эффективность газосветной рекламы в большом городе (1985–1987).

Социальная психология искусства: предмет, концепция, проблемы (1985–1996).

Типология базовых российских менталитетов, их взаимодействие и совместимость (1994–2005).

Петербуржцы: из прошлого в будущее (преемственность и изменение в социальных установках трёх поколений петербуржцев) (2000–2001).

Социологическое исследование эффективности применения инновационных программ в профилактике наркомании (2002–2003).

Положение молодежи в Санкт-Петербурге (комплексное социальное исследование) (2001–2003).

Российская полиментальность и политика (2000–2003).

Проблемы профессиональной самореализации петербургской студенческой молодежи (2004–2005).

Исследование положения и проблем молодежи в Ленинградской области (2005).

Религиозные объединения и верующие Санкт-Петербурга сегодня (социологический анализ) (2006).

Избранные публикации

Социальная психология (История. Теория. Эмпирические исследования) / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семёнова. Л., 1979.

Методы социальной психологии / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семёнова. Л., 1977.

Коллектив. Личность. Общение (Словарь социально-психологических понятий) / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семёнова. Л., 1987.

Социально-психологические проблемы производственного коллектива / Под ред. О.Н. Зотовой, В.Е. Семёнова и др. М., 1983

Социально-психологические проблемы нравственного воспитания личности / Под ред. В.Е. Семёнова. Л., 1984.

Метод изучения документов в социально-психологических исследованиях. Л., 1983.

Метод наблюдения в социально-психологических исследованиях. Л., 1987 (в соавторстве с А.Т. Никифоровым).

Социальная психология искусства. Л., 1988.

Искусство как межличностная коммуникация (социально-психологическая концепция). Л., 1995.

Психолого-педагогические проблемы влияния телевидения и других СМИ на детей и молодежь (Мат-лы науч.-практич. конф.) / Под ред. В.Е. Семёнова. СПб., 2002.

Положение молодежи в Санкт-Петербурге / Под ред. В.Е. Семёнова. СПб., 2003.

Семёнов В.Е., Юрков Е.Е. Русская речь в современной России: тенденции развития (по результатам социологического исследования). СПб., 2004.

Социальные и ментальные тенденции современного российского общества / Под ред. В.Е. Семёнова. СПб., 2005.

Современные проблемы российской ментальности (Материалы Всерос. науч. конф.) / Под ред. В.Е. Семёнова. СПб., 2005.

Экстремизм и СМИ (Мат-лы Всерос. науч. конф.) / Под ред. В.Е. Семёнова. СПб., 2006.

Религия и вера в современной России: социологический срез // С.-Петербургский университет. 2007. № 5. С. 62–66.

Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 38–45.

Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 37–43.

Zum problem der Auffassung und der Klassifizierung von gruppen in der marxistischen soziologie // Soziologie. Leipzig, 1982. S. 115–123.

City way of life and problems of communication // Psychological problems of the way of life and the life course of personality (Materials for the Soviet-Finnish symposium). Helsinki, 1984. P. 123–129.

On the development of the Social psychology of Art // Research Soviet Social Psychology. Berlin; Heidelberg; New York; Tokyo, 1986. P. 66–79.

Sztuka jako ekspresja współczesnych mentalności: dialog i konflikt // Integracyjna I dziedziczyjna rola artystycznych środowisk przekazu w kształtowaniu tożsamości narodowej Iyednoczeniu Europy / Pod red. B. Dziemidoka. Gdansk, 2001. S. 161–173.

L'evoluzione del ruolo sociale del direttore d'orchestra in Russia // Leadership e immagine dell'eccellenza. Milano, 2001. P. 84–89.